

рая сейчас ведется на страницах репатриционной печати...
была бы приступил к пересмотру фетишских норм, в которых исторически закладываются миллионы ирриподанных жертв свидетельствующих о преданности великой России.

уже указывали. Это согласие доказывает, что призыв к единению различных партий, к совместному разрешению ими неотложных государственных задач, выдвинутых переживаемым моментом, есть не только благое пожелание, но и зовущий, империозный твердый омер в реальной действительности.

же, приобщить к миссии распознания наших значительных сил, откуда предосторожно уже в полной безопасности, к. поучительная, как акт приобщения, такое обаяние, каково не зыблеть по окончании многодневных боев и не в бешеной победой, одержанной при участии его полка.

В. Брюсов.
Варшава, 25-го августа.

Новый германский план.

События прошедших дней ясно показали, что крупными германскими силами переключены с западного театра войны на восточный и что операционный германский план потерпел кардинальные изменения. Число перевесных на восток германских войск определено в 300.000 человек. Само собой разумеется, что эта цифра очень значительная, но если даже она введена в действие, не зная, ограничатся ли для нас перевесными теперь корпусами, или они представляют лишь переброшенные вперед части, то восток германской армии. В первом случае мы будем иметь лишь усиление германского заслона на восточном фронте и подкрепление так называемых в боях австрийских армий, во втором — пришло бы участие в походе рингенберга наступления германских и австрийских войск на Россию с целью нанести ей решительное поражение и затем вновь обратиться против Франции.

Первое мнение свидетельствовало бы прямо об отказе Германии от наступления и о переходе ее к оборонительной тактике на обоих фронтах. Во Франции германское наступление уже сейчас остановилось. Германское сражение в долине Марны, правда, еще не кончено, но именно в таком случае не удалось опрокинуть или прорвать союзную армию, и она уже теперь вынуждена перейти на меньшую роль к обороне, а может быть, и прямо к отступлению. В лучшем для них случае германцам, может быть, удастся сдерживать натиск французской армии и удерживать за собой занятые позиции, но от наступления они уже вынуждены отказаться, а ближайшей причиной этого является, по мнению, именно перевозка германских войск. Между тем простое увеличение заслона на восточной границе, будет ли это увеличение выражаться цифрой в 300.000 человек или какой-либо иной, само по себе не означает кардинальных изменений обстановки на восточном театре войны. С этой силой можно производить демонстрацию, можно делать вид, что наступление, но вести с ней действительно, серьезное наступление против России, конечно, невозможно. Можно допустить мысль о том, что с полученными силами подкреплениями изменить участь вытеснить нас из Восточной Пруссии, что она где-нибудь перейдет, может быть, русскую границу, но на существование Германии в ее настоящий момент, после присылки на восток подкреплений, все-таки остается в положении обороняющейся стороны. Для перехода в серьезное наступление нужна не присылка дополнительных подкреплений, хотя бы очень крупных, а перевозка сюда главных сил, чего пока мы еще не видим.

При том распределении сил, которое имеется в данный момент, Германия может лишь обороняться на обоих театрах войны. Эта оборона не должна быть непременно строго пассивной. Она может быть, наоборот, очень активной, сопровождаться многочисленными контратаками частичных наступлений, и все-таки она останется оборонительной. Неполностью повторить положение 1813 г. и 1814 г. очень энергично вел кампанию и все время наступал против отбывших армий союзников, и тем не менее об этом кампания была со стороны Наполеона строго оборонительной. Так и теперь германское наступление в Восточной Пруссии, пока оно ведется теми силами, которые сейчас имеются в распоряжении Германии на восток, является наступлением лишь по внешности, по существу же оно представляет операцию оборонительного характера.

Что может сулить Германия обороне на два фронта? Несомненно, ничего хорошего. Противники Германии все время получают сильную выжидательную, ресурсы же самой Германии уже истощены. Поэтому если в данный момент оборона обоих фронтов еще может быть успешной, то через один-два или три месяца соотношение сил сторон окажется совершенно неблагоприятным для Германии на обоих театрах войны, и оборона неизбежно будет сложена. Но если бы даже было допущено до такого положения, что силы противников уравновесились бы друг друга и ни одна сторона не могла бы получить окончательного перевеса над другой, если бы необходимость оказалась такой, кто может в-ать своего противника напором; то, разумеется, и в этом случае победоносной стороной была бы Германия.

НАСТРОЕНИЯ И ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Полтора года восточной Пруссии.

(От нашего корреспондента).

Счастливым случаем свел меня с одним офицером, которому пришлось совершить замечательную посылку: от наших передовых позиций в Восточной Пруссии до одного из русских городов, всего на протяжении почти 150-ти верст. По политическим причинам, и не называя имени этого офицера и не указав точно местностей, через которые он проезжал. Но я считаю возможным познакомить читателей с известными эпизодами его рассказа, представляющего выдающийся интерес, так как он знакомит с условиями жизни в оккупированных нами провинциях. Добавлю, что события, о которых будет идти речь, происходили дней 10—12 тому назад.

Офицер, со слов которого я рассказываю, — назыву его хотя бы К., — мог бы взять с собою лишь одного денщика, так как большого числа людей его часть отрядить не могла. Правда, офицеру дано было разрешение взять в случае надобности людей из какого-либо местного казачьего отряда, но он этим правом не воспользовался. Таким образом, весь перевал через Пруссию К. совершал в одиночку с денщиком, которого называем хотя бы Р. Путь по бывшей прусской земле никак не мог считаться безвредным. Хотя регулярная германская армия пригнана была далеко отступив перед натиском наших войск, все местности были полны немецкими шпионами и лазутчиками. Преимущественно на железнодорогах они следили за передвижениями наших частей, пользовались всяким случаем нанести нам какой-либо ущерб и не брезгли убийством из засады. Иногда в местностях, уже занятых нами, попадались вновь и немецкие кавалерийские разведки. К. знал, что все время должен быть настороже и что успех его предприятия зависит прежде всего от крайней осторожности.

В первый же день пути произошла встреча с одним из немецких шпионов. Оглядывая кругозор в бинокль, К. замечал, что на краю дороги отдыхает какой-то человек в одежде «защитного» цвета, похаживая около себя велосипед. Осторожно приблизившись, офицер громким голосом приказал шпиону не трогаться с места. Тот, напротив, различив русские мундиры, быстро поднялся, сразу выхватил револьвер и сбавлять несколько выстрелов, по счастью, не причинивших вреда; потом всколых на свою машину и помчался по дороге. Офицер еще раз закричал ему: Halt! Воспоминание продолжать лететь, стараясь достигнуть ближайшего леса, где мог встретиться с тем, чтобы потом навестить своих товарищей о двух одиноких путешественниках. Необходимо было видеть, и офицер в свою очередь направил револьвер. Второй случай шпиона был убит наповал.

Не меньшую опасность представляли немецкие селения. В то время как жители польских деревень в Восточной Пруссии встречают русских приветливо и охотно оказывают им всякие услуги, жители селений немецких или скрываются, или прибегают к самым безобразным формам партизанской войны. Наши солдаты, напав на селение, глубоко убеждены, что жители отравляют колодези, хотя вряд ли это осуществимо уже в силу технических трудностей. Во всяком случае немцы стараются извести из оков не проходящих русских, ночью выкапывая зарываться снаряды и т. д. Строго удостоверив факт, что в одной деревне какой-то немец, женщина пошла, мать большого семейства, встретила одного офицера в спину послать том, как тот спросил у нее молока и заглянул за крышку серебряного рублем, но неосторожно повернувшись, поднесла стакан к губам.

В виду всего этого безразлично требовало не проводить по ней в домах. После этого дня трудного пути К. со своим денщиком решили перебраться в лес. Уже вечером, в наступившей темноте, им пришлось перебраться небольшую рощу. Через нее они шли, не смущаясь называть скурра. За рощей оказалась обширная поляна, где на крайней мере можно было не опасаться нападения неприятеля. Превзавшись без труда извлекать карабин по очереди, так как общий опасения временно сдерживала К. признается, что эта первая ночь, в темном поле, вдвоем с товарищем, когда надо было полагаться только на свои собственные силы и осторожность каждого шороха, каждой тени, каждого куста, нависшая на душе более дутное чувство, чем чужие ожесточенного боя, под влиянием пуга и страха.

Продолжая путь на следующее утро, в один момент застряли в изломе дороги. Хотя с ним была подруга, она и компания, все же не было бы разобраться среди множества переплетившихся тропинок, идишь по изрешеченной местности, с оврагами, оврагами и ямами. Замыслив во избежании

ниг довольно большую необходимость услабу, К. решил обратиться туда за справками. Первоначально он раздумывал, конечно, кого может встретить в усадьбе, и убавился, что там — только старик-хозяин и его столь же старый слуга. Помыслив, — местный старожил-помещик, германский свояк германцев, весьма почтенный с виду, — встретил русских дружелюбно. Он предлагал офицеру застрять, от которого тот отказался, и рассказал, что все его слуги кроме одного при приближении русских разбежались. «Сам же я, — добавил старик, — не пожелаю покинуть родного дома, где я родился и вырос, умереть. Русским и никакого зла не сделаю и верю, что они также не сделают зла мне». Офицер спросил разъяснений относительно дороги. Помыслив выразил готовность помочь русским, в-идель из комнаты и вернулся со своим слугою Карлом, говоря, что этот Карл проведет путника, куда надо.

Карл также казался весьма почтенным, с седыми волосами и седыми усами, и казался типом старого преданного слуги, безразлично выполняющего волю хозяина. Для введения путешественников и указывая им дорогу, Карл держал себя с большим достоинством и между прочим сурово осуждал беглецов-русских, которые не могли, что мирные жители во время войны должны продолжать свою обычную работу. Скоро однако офицер заметил, что Карл ведет их совсем не по тому направлению, как следовало, — по какой-то узкой тропинке между болотистыми лугами. Спусти некоторое время К. мог вполне убедиться, что Карл имеет намерение завести их в непроходимый лес. Офицер решил взяться за револьвер и направить его прямо в лоб предатнику. Поняв, что его коварство открыто, Карл поблблбл и зарежал. Сразу принялся его почтенность, и он стал умолять о пощаде. Постоянно угрожая револьвером, К. заставил проводника вывести себя на правильную дорогу.

В тот же день К. и его денщику случается быть свидетелями драчливости дьяла. По дороге они натолкнулись на несколько опрокинутых и разломанных повозок, около которых лежали обезображенные трупы польских крестьян. Повзвше один из товарищей убитых, почти чудом сам избывший смерти, объяснял, что здесь произошло. Это возвращались с пустыми тележками местные польские крестьяне, помогавшие русским подвозить провиант. На них, совершенно безоружных, напал отряд немецкой кавалерии, совершивший свой рейд в этой местности. Немцы решили наказать поляков за помощь русским. Крестьяне никак не ожидали, что их будут рубить, хотя они не защищаются (да им и нечем было защищаться), и наивно задрывали ладони руками, ожидая только пощев. Вместо того немцы расстреляли их черен и прокололи их шкками. Повстречав дальше разбег казаков, К. указал им на присутствие в окрестностях отряда немецких кавалеристов; все они в тот же день были застрелены.

Третий день пути уже не представлял тех опасностей, как два первых. Местность была вполне очищена от германских войск, и осторожаться приходилось только «мирных» жителей. Впрочем большинство селений по дороге оклаивалось совершенно пустыми. Русские полки уже выступили далеко, а местное население не вернулось. Многие селения имели такой вид, словно все жители ушли на фронт, словно члены на прогулку: в своих простынных башмаках ладони ничего не успели увести с собой и ничего не разрушили. Дома были вынырив преспокоблены в жани, которую можно было почать сегодня же; жалкими наполовны товарищи: вынуждены, мануфактурой, полярными надбавками. Обычно командиры наших полков представляли к дверям магазинов стражу, предупреждая, что мародерство будет строго преследоваться. Теперь же выдвинулись и такие селения, где с уходом полка стража была временно снята, так что дома и магазины стали похрустывать никчем.

Офицер не мог скрыть, что при таком разнице у его денщика возросло сильное желание приобрести ценный подарок своей жене (Р. — уроженка одной из южных губерний). Женя была обладательница очень богатого выбора драгоценностей, как бы не принадлежавших к южному. Офицер принужден был прибегнуть к своему авторитету, чтобы наставить денщика о «одеждах» дуть. В конце концов Р. жалеть был удовлетворенным немецкой шапкой с вышитым вышиванием и полостью с серебряными инкрустациями, — своей законной добычей, какой еще на войну битый. Таких трофеев много у войск русских солдат, как как не полях битых вышитых шубами груди немецкого оружия; инициалы уже шлобо его подбирать.

Все путешествие длилось три дня. Но, по словам К., оно потребовало большого напряжения духа, чем трехдневный безразличный бой. Состояние непонятного долга и удалье выполненного поручения, конечно, давали высокое нравственное удовлетворение. И все